

словно сирена, выглядит словно святая, а по сути — дьявол. Выражаясь простым английским языком — обыкновенная шлюха. Не верьте ее жалобам, ибо она живет ложью, не прикасайтесь к ней, ибо она — грязь, *inquinans omnes qui tangunt eam*,²⁵ не предлагайте ей ничего, ибо она способна пожрать и уничтожить все, что попадется ей в руки. И вот, сэр, она стоит перед вами во всем своем распутстве.

Речь предсказателя, обращенная к гнусной продажной женщине, описывающая все омерзение ее жизни и будущего, ее ожидающего

— Прелестное создание, мне сообщили в подробностях о твоих обстоятельствах, и я приложу все усилия, чтобы их исправить. Однако же надежды изменить твой образ мыслей могут оказаться столь же бесплодными, как если бы я вздумал выбелить Черную Пустошь. Наверное, моим дряхлым рукам скорее удастся выкорчевать из земли старый дуб, нежели искоренить похоть, которая давно уже свила себе гнездо и твоим сердце. Но если ты сама уразумеешь всю плачевность своего положения, которое расслабляет ум, разлагает тело, разрушает бессмертную душу, возможно, ты и сумеешь отступить от этой жизни. Подумай сама, только безумец способен съесть кусочек сахара, зная, что он пропитан ядом, но будучи не в силах отказаться от сладкого. Что же говорить о тебе? Разве не знаешь ты, что похоть — это и есть сладкая отравка, разрушающая здоровье и несущая с собой болезни? Она старит раньше времени, она губит твою красоту в самом расцвете, притупляет еще не старый ум и отвращает твои помыслы от всех добродетельных предметов и размышлений. Ты не можешь об этом не знать и все же не отступишься от своей чувственности. Поправ Диану, ты слепо поклоняешься Венере; презрев Весту, ты посвящаешь себя каждодневной праздности. Насмеявшись над браком, ты не свяжешь себя его узами, поскольку привыкла жить свободно и не желаешь подчиняться мужу. И все же ты в самом беспросветном рабстве: любой фат и бездельник может тебе приказывать, были бы у него деньги. А получив над тобой власть, он станет тебя оскорблять, заставляя исполнять любую свою прихоть.

Если мое предупреждение не заставит тебя хорошенько задуматься, будущее тебя ожидает такое. Тебя будут травить, как дикого зверя, гнать, как кролика из норы, и хлестать кнутом, как старую клячу. Ты не сможешь подолгу жить на одном месте, потому что власти не будут давать тебе покоя. Заработанное за три месяца ты будешь тратить за один, и какие бы ценности ни попадались тебе в руки, пользы они не принесут. Красота и приятность твоего тела скоро завянут. Волосы, сейчас длинные и густые, опадут с головы, как осенние листья с деревьев; лоб, нынче гладкий, станет сухим и морщинистым, как старый пергамент; румяная кожа пожелтеет, щеки впадут. Дыхание твое утратит свежесть, а во рту выпадут зубы. Из легких будут слышаться хрипы, кости начнут рассыпаться, а все тело подвергнется разложению. Наслаждение и радость превратятся в боль, пение — в печаль. Каждая жилка будет болеть, а в сердце поселится мука. Болезни одолеют каждую клеточку твоего тела, а душа твоя будет обречена на вечные страдания.

Она сделала шаг назад, а Насмешник бросился к дверям, не дожидаясь очередного стука. Вертихвостка не сомневалась, что, пока ее красота еще в расцвете, у нее не будет недостатка в приятелях, готовых услужить.

Сводник, сопровождавший женщину, приходит, чтобы узнать свою судьбу. Насмешник описывает, как он выглядит

— Есть там кто-нибудь еще? — спросил Фидо.

— Есть один, — ответил Насмешник, — он едва видит, куда ступает, длинные волосы закрывают все его лицо. *Fatuus in facie, et leno in corpore*.²⁶ Он кругл лицом, но телом тощ. Желчь в нем так и бурлит. Однако же, пока есть на свете всякая шваль, он не останется в одиночестве. Ботинки у него измяты, будто в морщинах, как лицо у старухи. Что?! И на носках шляпки? Уж конечно, он не станет снимать такие шляпки при встрече с благородным человеком! Печально я замечаю, что его шпоры

²⁵ [25] Оскверняется всякий, кто ее тронет (*лат.*).

²⁶ [26] Глуп лицом и изнежен телом (*лат.*).